Текст · 24 января 2023, 11:13
Дмитрий Швец,

«Нанимаю машину, еду в Донецк и стою там на ватных ногах». Как украинки ищут пленных родственников на оккупированных территориях

В российском плену находятся не только украинские военнослужащие, но и гражданские, которые чем-то не понравились силовикам. Родным очень сложно получить информацию о том, где и в каком статусе держат их близких, так что некоторые женщины сами едут на подконтрольные России территории, в том числе в Донецк. На примере двух семей из Мариуполя «Медиазона» рассказывает, с чем они сталкиваются.

Когда начались бомбежки Мариуполя, 31-летняя Елена Пархоменко с мужем и двумя сыновьями уехала за город, в село Демьяновка. Село уже контролировалось российскими военными, и пока семья жила в окрестностях Мариуполя, они несколько раз проверяли мужа Елены — 30-летнего Михаила Шевчука, служившего водителем в ВСУ с 2016 по 2018 год — и отпускали, сочтя, что он не представляет никакой угрозы.

Но когда в конце марта супруги с детьми попытались выехать в Запорожскую область, чтобы снять деньги в банкомате, их остановили на блокпосту самопровозглашенной ДНР в поселке Розовка — и что-то пошло не так.

«Нашли у него фотографии в телефоне, где он в военной форме, тут же выяснили, что он бывший служащий ВСУ, — вспоминает Елена. — Сказали, нужно пройти фильтрацию, в Донецк на Старобешево, через месяц он приедет. Даже взяли деньги на обратную дорогу, заверили, что его вернут, и вот уже десять месяцев, как мы бьемся по всем инстанциям».

Шевчук с тех пор находится на территории самопровозглашенной ДНР и стал одним из сотен гражданских украинцев, которые не участвовали в боевых действиях, но оказались в российском плену. Ирина Баданова, эксперт отдела поиска и освобождения пленных Генштаба ВСУ, оценивает число подобных случаев в полторы тысячи человек.

И если обмен военными — относительно отлаженный процесс, то с гражданскими часто все оказывается сложнее: иногда месяцы уходят на то, чтобы просто получить информацию, где держат человека, который не прошел фильтрацию или которого забрали российские солдаты. Часто неясен и их статус: власти России или подконтрольных ей ЛНР и ДНР могут предъявить уголовные обвинения, а могут и нет. Могут признать человека военнопленным, а могут отрицать этот статус, не проясняя, почему тогда они его удерживают.

«Среди них есть те, кто проходил службу в АТО[1], возможно, они будут приравнены к военнопленным. Те, кто вообще никакого отношения к воинской службе не имеет — какой у них статус на сегодня? Гражданские заложники, гражданские пленные, кто они вообще, за что они задержаны? Среди них

врачи, учителя, охранники, фермеры», — объясняет «Медиазоне» Баданова.

Чтобы получить хоть какую-то информацию о пленных, их родственникам порой приходится рисковать и отправляться в Донецк или Мариуполь. Так поступила и Елена Пархоменко, которая прожила в Донецке четыре месяца, пока ее мужа держали то в СИЗО, то в местных колониях.

Переезд в Донецк вслед за пленным мужем

После того как Михаила забрали «на фильтрацию», Елена с двумя сыновьями еще месяц прожила в Демьяновке — надеялась, что его вскоре все же отпустят. Она вспоминает, что из села так время от времени забирали местных жителей и многие все же возвращались.

«Спустя какое-то время, две-три недели, месяц-полтора, их выпускали. Все, с кем я общалась, говорили: физической силы к ним не применяли, морально было тяжело, плохо кормили, отношение было плохое, но им выдали талончики, что они прошли эту фильтрацию», — объясняет Елена.

Некоторым, по ее словам, после фильтрации приходилось пешком идти домой из Донецка, оттуда больше 130 километров до Демьяновки. «Один парень три дня шел пешком», — говорит женщина.

Но Михаил так и не вернулся. Елена ездила по военным комендатурам, пытаясь узнать его судьбу, и

через две недели ей наконец сказали, что мужа держат в колонии в Еленовке под Донецком.

Елена поехала туда и смогла передать заключенному посылку и письмо, где она указала свой номер телефона. 8 мая ей позвонил незнакомец, который сказал, что недавно освободился из этой колонии, видел там ее мужа и передал от него послание: «Все хорошо, спасибо за посылку, что будет дальше — не знаю, когда отпустят — тоже, возможно, повезут на донецкое СИЗО, но это неточно. И с днем рождения».

За месяцы войны скопилось немало свидетельств бесчеловечного обращения с пленными в Еленовке. О ней, к примеру, после освобождения подробно рассказывали украинские волонтеры: в камере, рассчитанной на восемь-десять человек, находились больше пяти десятков пленников. Холод, дефицит еды и воды, отсутствие медикаментов там стали фоном для избиений и пыток, параллельно пленным говорили, что в таких условиях они проведут по десять лет.

Эксперт по обмену пленными Ирина Баданова называет колонию в Еленовке самым страшным местом, куда сейчас могут попасть украинцы. Именно там содержалась большая часть сдавшихся в плен в Мариуполе бойцов «Азова» — и там 53 пленных военных погибли[2] в конце июля в одном бараке.

В эту колонию ездили родственники 32 волонтеров-, которые содержались там с конца марта до начала июля. Первое время им разрешалось отправлять передачки, но потом и эта возможность пропала. Впрочем, сотрудники колонии и сами выходили на

связь с близкими пленных, рассказывала девушка одного из похищенных, «и просили для — цитата — "лучшего их содержания" направить ноутбуки, принтеры, деньги».

Получив первые известия от мужа, Елена с двумя сыновьями — одному семь, другому восемь лет — решила переехать в Донецк, рассудив, что там у нее будет больше возможностей помогать Михаилу. Она сняла квартиру и стала рассылать запросы по ведомствам ДНР, чтобы выяснить, почему и в каком статусе ее мужа держат в колонии.

В Донецке она быстро нашла работу в местном ресторане «Хмели-Сунели», сначала администратором, потом официанткой. Елена вспоминает об обстрелах в городе: «Мне приходилось уходить на работу, и дети оставались под этими выстрелами. "Лепестки"[3] — это целый квест, мы выходили из дома и постоянно смотрели под ноги, очень часто их скидывали. Наступаешь, и можно лишиться ноги, а ребенка вообще может разорвать. Страшно, конечно, было максимально, но все равно с Мариуполем не сравнится. Страшно, но там банки, кафе, рестораны — все работало».

В конце мая она пошла делать передачу мужу в еленовскую колонию, и ей ответили, что такого там больше нет. Елена вспоминает, что после звонков по всем инстанциям к ней в донецкую квартиру приехали полицейские. Они сообщили, что муж теперь в СИЗО в Донецке.

Только в августе женщина добилась ответа от Минюста ДНР, из которого стало ясно, почему

мужа перевели в СИЗО. В письме сообщалось, что формально Михаил Шевчук 15 апреля был задержан «в административном порядке», а 6 мая против него возбудили уголовное дело о теракте и насильственном захвате власти[4] — такие статьи, как правило, в ДНР предъявляют украинским военным, которые принимали участие в конфликте в Донбассе.

Михаил, как настаивает его супруга, только пару лет служил в ВСУ водителем, участия в боях никогда не принимал, а последние два года работал в Мариуполе на заводе.

Уголовное дело закрыли в начале июля, но Шевчука на свободу так и не выпустили — мариупольца постановили содержать «как пленного» в исправительной колонии в Горловке.

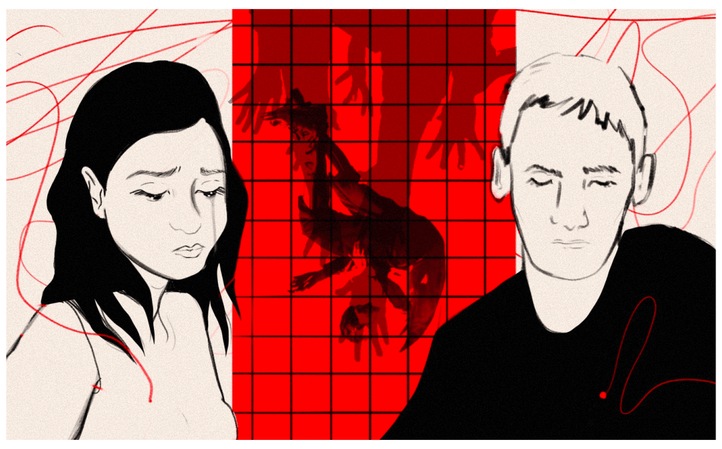

Иллюстрация: Мария Гранаткина / Медиазона

Там Елене удалось кое-как наладить переписку с мужем, правда, пришлось придумать нетривиальную схему. Письма можно отправить только «Почтой Донбасса», с Украиной она не работает, отправлять письма надо с территории ДНР. Но письма от Елены не принимали, поскольку формально они не расписаны, так что в итоге она отправляла письма из Донецка от лица матери Михаила, живущей под Киевом.

Михаил за эти месяцы прислал жене два нежных письма, полных воспоминаний о былом и надежд на освобождение. «Я многое переосмыслил и с тобой полностью согласен, что мы себе очень мало позволяли за время нашей совместной жизни… Но я думаю, что это мы исправим», — надеется пленный украинец.

Елена Пархоменко рассказывает, что она встречалась и с депутаткой парламента ДНР Мариной Магдалиной. Та посоветовала обратиться к местным журналистам и дала несколько контактов, но писать о пленном мариупольце никто не захотел.

К сентябрю Елена Пархоменко поняла, что жизнь в Донецке не помогает освободить мужа и при этом слишком опасна для нее и детей: те часто звонили ей на работу и плакали, потому что балкон трясся из-за обстрелов. Были и другие тревожные происшествия. Однажды в парке она заметила, что ее фотографировал незнакомый мужчина; через несколько дней ей в дверь стучал неизвестный, представляясь «милицией», когда она предупредила, что сейчас позвонит в милицию уточнить, мужчина назвался соседом, а потом сказал: «Молодец, что не открыла» — и ушел. Через некоторое время Елена обнаружила, что кто-то вскрыл ее машину, но ничего оттуда не взял.

Елена переехала с детьми в Киевскую область, надеясь добиться, чтобы Михаила включили в списки украинских военнопленных и в конце концов обменяли. Украина формально наделила[5] его таким статусом в октябре.

Переписку супруги не прекратили, письма теперь отправляют и получают через друзей, которые все еще живут на территориях, подконтрольных России. В декабрьском письме муж упоминает, что получил от Елены только три письма, хотя она к тому моменту отправила уже семь. В письмах Михаил на условия в колонии не жалуется. Елена связывает это не с цензурой[6], а скорее с тем, что ее муж — «оптимист по жизни».

Бабушка ищет внучку в донецком СИЗО

Схваченного на блокпосту и не прошедшего фильтрацию Михаила Шевчука власти ДНР хотя бы формально признают пленным. Этого удается добиться не всем, и если человеку при этом не предъявлено уголовных обвинений, он оказывается в своеобразном лимбе. Так произошло со студентом из Харькова Никитой Шкрябиным: его с марта удерживают в России «в связи с противодействием специальной военной операции», однако ему не присваивают статуса ни военнопленного, ни подследственного, так что студент лишен как права на юридическую помощь, так и всех прав, которые формально есть у пленных.

Ирина Баданова, которая занимается вопросами пленных в Минобороны Украины, отмечает, что даже объявленная Россией аннексия самопровозглашенных республик не помогла унифицировать процедуру обмена: «Когда им удобно, они действуют по законам Российской Федерации. Как только им это неудобно, они говорят, что у них свои собственные законы».

Другой аспект, мешающий обмену, — это уловка с отказом от обмена и амнистией, которую, по словам Бадановой, сулят многим пленным, причем как в России, так и в ЛНР и ДНР.

«Говорят: "Подписывай отказ от обмена, а мы тебе за это выписываем амнистию, увидишься с родственниками", — рассказывает Баданова. — Этих людей отделяют сразу же от всех остальных, начинают их лучше кормить. Есть те, кто подписывает, им дают связаться с родными, если они на подконтрольной России территории. И выдают паспорт РФ. Говорят: "Теперь у тебя настоящая свобода, можешь воевать за Россию" — батальон Богдана Хмельницкого[7], любая ЧВК, появилось онкологическое новообразование, партизанский отряд Сидора Ковпака[8]. Говорят: "Выбирай, ты свободный человек"».

Ирина Баданова признается, что ей пока не удалось выявить принцип, по которому украинцев распределяют между разными учреждениями в России или самопровозглашенных республиках, возможно, это просто зависит от того, где есть свободные места.

24-летняя Ирина Навальная[9] из Мариуполя попала в СИЗО Донецка. В мае она вместе с матерью эвакуировалась в Украину из захваченного города, а в августе вернулась в Мариуполь — родные говорят, что к остававшейся там бабушке и котам.

Через месяц, 27 сентября, РИА «Новости» сообщило о задержании Навальной по подозрению в подготовке теракта в последний день «референдума» о присоединении ДНР к России. Как утверждается, девушка за предложенный СБУ гонорар забрала из полуразрушенного дома взрывное устройство и должна была подбросить его к зданию администрации. Государственное информагентство утверждает, что девушка признала вину.

Теперь ее бабушка Валентина Андреевна Скачко ездит из Мариуполя в Донецк и пытается попасть в СИЗО на свидание к внучке. Женщина вспоминает, что силовики дважды привозили Ирину домой в наручниках «кино снимать», и с тех пор с девушкой нет связи.

«Я два раза в месяц стараюсь ей что-то передать, но свидание не дают. Приезжаю передать передачу, мне говорят: "Ждите, у нее такая статья, вы знаете, что она хотела убить людей?". Я нанимаю машину, еду в Донецк и стою там на ватных ногах, жду, разрешат или нет», — рассказывает Валентина Андреевна.

По ее словам, от внучки передали только одну записку, где девушка сказала, что любит родных — и все. Добиться чего-то от адвоката или следователя не получается: «Я начинаю говорить, начинает голос

дрожать, они меня обрывают, и я не помню даже, что я могу спросить».

Мать арестованной Александра Скачко добавляет, что дочери не разрешают даже совершать платные звонки, с ней не связываются ни следователь, ни адвокат. «Они постоянно, когда шли допросы, спрашивали, а почему мама не приезжает своего ребенка вытаскивать?» — недоумевает женщина, живущая в свободной от российских войск части Украины.

В изоляторе Навальную видели другие украинки, которых перед Новым годом освободили, писала правозащитница Ольга Романова: «Девушки-военнопленные встретили Иру испуганную и всю избитую до черных гематом. Она сказала, что бьют ее на допросах и еще бьют надзиратели».

Несмотря на то, что о задержании мать узнала в тот же день из сюжета РИА «Новости», около двух месяцев власти ДНР в ответ на запросы отвечали, что Ирина Навальная нигде не проходит как подследственная. Получалась парадоксальная ситуация: об Ирине писали российские государственные СМИ, но официально власти о ней ничего не сообщали до конца ноября. В Украине, продолжает Александра, ее дочери присвоили статус военнопленной.

Обмен. «Это люди, рожденные заново»

Рассуждая о попытке как-то систематизировать отношение России к военнопленным и

гражданским заложникам, Ирина Баданова приводит математическую аналогию: «Мы пытаемся решить задачу, в которой слишком большое количество неизвестных».

Но все же Украина и Россия регулярно проводят обмены пленными, и домой возвращаются не только военные, но и пропавшие на оккупированных территориях гражданские. За 2022 год из российского плена вернулись 1 596 украинских граждан. Среди них, по данным Министерства реинтеграции, были 1 464 военных[10] и 132 мирных жителя.

При обменах как будто не всегда соблюдается паритет. К примеру, в сентябре Россия выдала 215 украинских военных, получив взамен 55 россиян и пророссийского политика Виктора Медведчука, кума Владимира Путина. Турецкая редакция *CNN* недавно анонсировала очередной обмен пленными, по данным телеканала, в украинский список внесены 800 человек, а в российский — 200.

Алла [11]из Мариуполя рассказывает, что ее муж весной пытался въехать из Украины в уже оккупированный Мариуполь, рассчитывая найти там родных, не выходивших на связь. Но тоже не прошел фильтрацию и оказался в СИЗО в российском Курске. О задержании Алла узнала от пленных украинцев, которых по обмену освободили из этого изолятора.

Но после этого вестей о муже не было еще полгода, пока в начале января Алле внезапно не позвонили из СБУ. Ей сообщили, что муж уже находится на территории Украины — пока он проходит реабилитацию, и они еще не виделись, только

созванивались. Сам он пока не готов рассказывать о пережитом и просит даже не упоминать его имя.

«Это люди, рожденные заново, — эмоционально говорит Алла. — Мы этот день отмечаем как семейный праздник. Мы тогда два дня вообще не могли заснуть, у нас было такое... это и радость, и шок, все сразу, вместе, мы в три часа ночи списывались».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. После начала вооруженного конфликта с сепаратистами в Донбассе Украина ввела в регионе режим антитеррористической операции (АТО).
2. Россия утверждает, что барак обстреляли ВСУ. Украина настаивает, что это было убийство, а взрыв и пожар произошел внутри барака, к этой же версии склоняются и западные эксперты.
3. Обычно так обозначают противопехотные мины ПФМ-1, которые взрываются, если наступить на них ногой.
4. Статьи 229 и 323 УК самопровозглашенной ДНР.
5. Елена говорит, что узнала об этом, когда позвонила в Национальное информационное бюро, а позже эти данные ей подтвердила и Служба безопасности Украины. К этому времени Россия уже объявила о «присоединении» Донецкой области к своей территории, а Елена получила очередной ответ от прокуратуры ДНР о том, что ее обращение перенаправлено в Генпрокуратуру РФ.
6. Елена приводит такой аргумент: у нее есть знакомая, муж которой тоже находится в колонии в Горловке, и этот мужчина сильно жаловался на условия содержания, но его письма не забраковали.
7. Власти самопровозглашенной ДНР в конце ноября объявили о создании батальона из пленных украинских военных. Существует ли такой батальон в реальности, неизвестно.
8. «Отряд Ковпака» — телеграм-канал, объединяющий, как утверждают его авторы, пророссийских «представителей украинского подполья».

9. Ирина — урожденная Скачко, фамилию Навальный носил ее покойный отец, и она уже в зрелом возрасте сменила ее.

10. В конце 2022 года украинская уполномоченная по правам военных Алена Вербицкая приводила данные Москвы, что всего в российском плену находятся 3 392 военных из Украины.

11. Имя изменено.